

Алеша Попович, Еким и Тугарин

Ай да ездили богатыри по чисту полю,
По тому же раздолью по широкому:
А один-то Олёшинька Поповиць блад,
А другой-от Еким, слуга-паропок.
Доезжали до ростаней до широких,
А ёдна это дорога в славной Киев-град,
А другая-та дорога, право, в Новой-град,
А третья-та дорога во Чернигов-град.
Говорит-то нонь Олёшинька Поповиць блад:
«У нас в Киеве-де граде было бывано,
Кабы киевскому князю было служено,
Во Нове-то ле гради было бывано,
Новгородцькому князю было служено,
А поедем, тавариш, во Чернигов-град —
Во Чернигове-то гради у нас не бывано,
Как черниговскому князю у нас не служивано».
А поехали они да во Чернигов-град,
А приехали они да во Чернигов-град,
Становили-то коней среди двора,
Не привязанных коней, да не приказанных:
«А до наших лошадей да штобы дела нет».
А зашли они во гридню княженевскую,
Кабы молятся они да Восподу Богу,
Кабы крест-от кладут да по-писаному,
А поклон-от-де ведут да по-учёному,
А молитву-ту творят да полну Сусову,
На вси стороны чотыре да поклоняются,
На особину князю, право, черниговскому.
А сидит за столом да за дубовым,
Он сидит-то со княгиной, с молодой жоной,
Меж нима сидит тотарин-от поганой же,
А по имени зовут его Тугарин Змеев,
Меж князём-то ле он сидит, да меж княгиною,
Как ле дёржит он свои-то руки белыя
У княгины-то он дёржит руки в пазухи,

Он пихат-то ей да руки вплоть до черева.
Говорят-то ле эти два богатыря,
А тому же князю они черниговскому:
«У тя нету ле нам места сесть порóзного?»
Говорит-то им князь, право, черниговской:
«У мня нету вам места нынь порóзного,
Кабы все у меня места, право, призаняты».
Говорят-то богатыри таково слово:
«Уж мы видим, как у тя да есть три места нам:
А одно-то ноньце место насопротив тебя,
А другое-то место возле тя сидеть,
А третьёе-то место на печке на муравленке».
Говорил-то им князь, право, черниговской:
«Уж вам Бог с вами с печкой с муравленой».
А бы сели они на печку на муравленку,
Кабы смотрят на князя да со княгиною,
Кабы што же тут ведёт, право, Тугарин Змеев;
Принесли ему коврижку, право, нерушенную,
Он и сунул се в гортань, ее челком сглонул.
Говорит-то тут Олёшинька Поповиць блад:
«Уж ты ой еси, Еким да слуго-паропок!
Кабы помнишь ле ты, да помятуешь ле:
Как у нашего сударя света батюшка,
А у Федора у попа у ростовскаго,
А была ' его корова, право, старая,
Кабы старая, коровищо, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе —
Кабы этому Тугарищу не миновать того».
Принесли ему лебедушку не рушану,
А заткнул он на ножик ей — челком сглонул.
Говорит-то тут Олёша да во второй након:
«Уж ты ой еси, Еким да слуга-паропок!
Уже помнишь ле ты, да помятуешь ле?
А у нашего сударя света батюшка,
А у Федора попа да у ростовскаго,
Как была у его нонь старая собачища,
По подстолью собака волочилосе,
Кабы косью собака подавилосе,

Кабы этому Тугарину не миновать того».
Как на то был нонь Тугарин-от догадливой,
Он схватил себе чинжалище булатен нож.
Кабы бросил он на печку муравленку,
А во этих-то удалых добрых молодцов.
А на то были робята-ти увёрточны,
А схватили-то чинжалище булатен нож.
Говорит-то тут Екимко слуга-поропок:
«Уж ты ой еси, Олёшинька Поповиць блад!
Уж ты сам его разишь, але мне-ка велишь?» —
«Уж я сам-то не ражу и тебе не велю.
Ковда выедёт он на поле на чистое,
А кому-де Бог даст божья помочь».
А на то был-де Тугарин-от догадливой,
Побежал-то Тугарин вон на улицу,
Кабы вынел он тут крыльё тут гумажноё,
Подвезал к себе он крыльё-то гумажноё,
Полетел-то он, поднялся вверх на воздух-от.
А пошли эти богатыри во божью церковь,
А змолились они Спасу Вседержителю,
Присвятой мати Божьей Богородице,
А тому же как Миколы свет Можекскому,
Штобы дали они, право, мокра дожджа,
А смочили штобы крыльё как гумажноё,
Штобы пал-то Тугарин на сыру землю.
Поднялася ле тут да темень тёмная,
Темень тёмная тут, да туча грозная,
Кабы с тем ле она со мокрым дождём —
Кабы пал-то Тугарин на сыру землю.
А увидел тут Олёшинька Поповиц блад,
А садилса ле скоро да на добра коня,
Погонил-то ле скоро да во чысто поле,
Нагонил он как скоро нонь Тугарина,
Кабы сам он ему стал выговаривать:
«Кабы ой еси ты, право, Тугарин Змеев!
Кабы што у тя взади-то за шум шумит?
Кабы што у тя взади-то за гром гремит?»
Кабы стал Тугарин налево да поворачиватсе,
Да смотреть у себя, што назади-то есь —

Подгонил-то Олёшинька Попович блад,
А со правого-то боку подгонил к ему,
Кабы тюкнул его да саблей вострой,
А срубил у его да буйну голову.
Он заткнул голову да на востро копьё,
А привез ее ко князю ко черниговскому:
«Уж ты ой еси нонь, князь, право, черниговской!
Уж вам нате голова, право, тотарьская,
Кабы вашего она-то неприятеля».
А скочил тогда-де на ноги князь черниговской:
«Уж вы ой еси, удалы да добры молодцы,
Кабы руськие могучие богатыри!
Заходите-тко-сь ко мне да на почесен пир,
А садитесе-ко вы да куды хочите:
А одно-то вам место, право, возли меня,
А друго-то вам место напротив меня,
А третьёе-то место — куды сдумаите».
Говорят-то ему как добры молодцы:
«Кабы Бог с тобой, с местами да твоима же,
На приездинах гостей ты не учёствовал,
На поездинах гостей не учёствовать».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: май 1902 г., д. Уег Усть-Цилемской вол. (зап. в сел. Усть-Цильма Печорского у.) — от Вокуева Анисима Федоровича, 70 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.